

The background image is a vertical photograph of a seascape. In the upper portion, a large, dark, turbulent wave is crashing against a rocky cliff on the left. The sky is filled with heavy, dark clouds, with a bright, golden light from the setting or rising sun breaking through in the center, creating a dramatic, high-contrast scene. The lower portion of the image shows the white, frothy foam of a wave washing onto a sandy beach, with the water appearing a deep, vibrant blue.

Алексей Бородкин

Марафон длиною в бесконечность...

Ждать, чтобы жить. Жить, чтобы
любить.

Алексей Бородкин

**Марафон длиною
в бесконечность...**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бородкин А. П.

Марафон длиною в бесконечность... / А. П. Бородкин —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Обстоятельства вынуждают Маргариту Ружинскую (студентку заочного факультета) пойти на авантюру. Других вариантов у неё просто не остаётся. Однако не возможно было предположить, чем закончится лёгкий флирт, и что Судьба не предусмотрела для Маргариты выхода из лабиринта авантюрного "приключения", и всю последующую жизнь Ружинская будет ждать, любить и страдать. И надеяться, что когда-нибудь всё исправится. Ждать, чтобы жить. Жить, чтобы любить.

– Водочки выпьешь? А? Рекомендую, хорошая водочка, просто замечательная. Сладкая. Володя из четыреста десятой комнаты в полиции работает, – Евсей Аронович Гершон морщит и без того бугристый лоб, касается пальцем переносицы, – насколько я помню... водителем. Да-да, водителем. Так вот, эту водочку принёс он. Водочка, Марго, самая настоящая, контрабандная, без акцизных марок. – Фраза получается двусмысленной, Гершон спохватывается, и говорит, что качество, бесспорно, высочайшее. – А название, погляди, какое! "Смирно". Это просто символ! Призыв сосредоточиться! – Гершон потрясает кулаком. – Обязательство взять себя в руки. Собраться.

Маргарита оставляет портфель и сумки на кровати (у левой стены); на этой стене висит коврик... она не знает, как он правильно называется: "Бутик? Или батик?" Этот гобелен "живёт" в комнате уже пять лет – это, как минимум, – кто-то прожёт сигаретой дырочку, как раз вытканному оленю между глаз. Пасторальная слащеватая картинка поменяла от этого вмешательства смысл – отверстие с чёрным неровным краем похоже на след пули. "Взгляд оленя стал осмысленным, – думает Маргарита. – Такой взгляд бывает у младенцев на иконах".

Она опускается на табуретку у стола; Гершон набулькивает половину стакашика.

– Смирнов, – говорит она. – Водка называется "Смирнов". Две буквы "FF" закрыты стикером.

– Да? – удивляется Гершон. – Я был уверен, что там три восклицательных знака.

– Удивительное дело, самая твёрдая валюта в стране – жидкая. Но и она бывает палёной.

– Водка и должна гореть, – соглашается Гершон и выпивает свою порцию.

Стакашик замирает в руке, Маргарита сидит, уставив глаза в одну точку – между луковицей и отварной картофелиной. Гершон понимает, что она устала, старается не шуметь, осторожно закуривает.

Забегает соседка из пятисот двенадцатой комнаты, спрашивает соли – длинноногая шустрая девка в хэбэшном халате на голое тело. Гершон Долго роется в тумбочке, не находит, Маргарита достаёт из сумки баночку, отсыпает. Удивляется, что соседка такая розовая и пышущая здоровьем.

Гершон напоминает про водку, Марго выпивает.

Горькая.

Они вместе учатся в университете. Заочники. Маргарита Юльевна Ружинская, молодая женщина тридцати двух лет от роду, и представитель поколения before Гершон. Впрочем... назвать его стариком было бы неверно, тем более странно звучит "старик-студент".

История их знакомства и совместного проживания покрыта мраком и туманна. В свой первый "заезд" Марго опоздала, и все "девичьи" комнаты были заняты. Комендант предложил переночевать с "плешивым козлом" – он не ладил с Евсеем Ароновичем. "Завтра-послезавтра подберу что-нибудь, – комендант водил по строчкам карандашиком, перекидывал листы тетради взад и вперёд. Казалось, он совершает магическое таинство и вот-вот свободное койкоместо появится. – Или переселю кого-нибудь".

В чём здесь мрак и туман? В том, что они прижились вместе. Нашли точки соприкосновения, сошлись характерами.

Переселять никого не потребовалось.

К моменту знакомства Гершон учился в университете четыре или пять (а может шесть) лет. Он всех знал, и все знали его. Он превратился в, своего рода, "деканат номер два". С ним советовались по практическим вопросам учебного процесса: какому "преподу" легче сдать, кто лучше читает лекции, сколько башлять за "хор" или "отл", в какие дни процент несдавших выше, а когда выше средний балл. Кроме того, Гершон "служил паразитом от высшего образования" – так он сам это называл. Приторговывал методичками и конспектами: скупал их по дешёвке у выпускников и перепродавал по справедливой цене абитурае, чем вызывал негодова-

ние преподавателей университета. Предполагалось, что торговля методическими материалами это их законный приработок.

– Ты опять опоздала, – Гершон подвигает в Марго закуску, водки больше не предлагает. – Лекции уже читают. Лабораторка была по "аппаратам".

– Не хотели отпускать с комбината. – Марго опускает картофелину в баночку с томатной килькой. Картошка горячая, обжигает пальцы. Кажется, ничего вкуснее не ела в жизни. – Главный инженер сказал, что нехер быть такой образованной. Негоже, когда заместитель умнее главного.

– В чём-то он прав... – Гершон открывает окно, закуривает вторую. Он курит папиросы, гильзу сминает фирменным способом – буквой "Z".

Пока она ест, он молча дымит.

– Скажи, Евсей, зачем ты учишься? – И ещё: – На каком ты сейчас курсе?

Ему неприятно, Гершон трясёт головой, и отвечать на последний вопрос отказывается.

– Что касается вопроса первого... Знаешь, Марго, в какой-то момент я заметил, что дети меня стесняются. У меня взрослые сыновья... трое. – Протяжно затягивается. – Плюс дочка. Они подрастали, набирались ума, им становилось стыдно, что отец без образования. Я должен был что-то предпринять. Тогда я поступил на заочное.

Хотелось спросить: "Почему тогда не учишься?" Но это бестактный вопрос. Кроме того, Марго знала на него ответ: Гершона всё устраивало. Он учился, а значит, уже (как бы) имел высшее образование, имел к нему отношение. Кроме того, он имел законное право два раза в год отдохнуть от жены и от детей... которых не устраивал малограмотный отец.

"Забавное дело, – Марго тоже закурила, – отпрыски не желают задуматься, что если бы их отец был умнее и грамотнее, он бы не выбрал в жены их мать... и их самих могло не быть. Просто не быть на свете".

Гершон рассказывает университетские сплетни. Публика учится самая разношерстная, а потому эти рассказы напоминают выпуск новостей из сумасшедшего дома. "В Санта-Барбаре все сошли с ума, – эта мысль поднимает настроение. – Единоmomentно и без видимых причин. И Сиси Кэпвэлл женился на гувернантке... или кто там у него был под рукой?"

– У вас в этом семестре механика, – со значением произносит Гершон, когда сплетни выплеснуты наружу. – Теоритическая и прикладная. Учти это.

– Я знаю, – Маргарита кивает. С этим предметом она уже сталкивалась. – В том смысле, что я ни черта не знаю.

Евсей вопросительно поднимает брови, и она поясняет, что наука эта сложная и "в голове у неё не укладывается".

– Не представляю, что делать. Вышка нормально шла, – она говорит о высшей математике, – физика проскочила на ура, электротехника. А механика...

– Н-да... – сочувствует Гершон. Ему вспоминается один (на самом деле, их множество) случай, когда из-за "приклада" (прикладной математики) студента выкинули из университета в два счёта. Случай яркий и выразительный, со слезами, дракой и длительным отчаянным запоем в общежитии. Гершону хочется рассказать, рассказ щекочет ему душу, однако огорчать соседку он не решается. – Нужно готовиться. Читать лекции.

Из укромного чемодана Гершон достаёт брошюру, говорит, что она самая лучшая.

– Эти лекции прежний заведующий кафедрой читал, – разглаживает ладонью замусоленную обложку. – Дивный был мужик, дай бог ему здоровья! На пенсию спровадили, гады. Мне доводилось с ним беседовать...

Маргарита косится на методичку, переводит взгляд на Евсея. Отвечает, что это мёртвому припарка, что "эта наука ей не по зубам".

– Зря приехала, – говорит она. – Надо было забрать документы. И дело с концом.

Гершон молчит, вздыхает и даже не пытается произносить обычную в таких случаях чепуху: "У тебя всё получится! Верь в себя! Ты сможешь!" Зачем сотрясать воздух?

"Если Маргарита так говорит, – думает он, – значит так и есть". Вспоминает их первую ночь в комнате, когда она развесила вещи, попросила выйти (чтобы переодеться), а когда Гершон вернулся, сказала, глядя строго в глаза, в самые зрачки: "Сунешься – яйца оторву".

Евсей впервые в жизни обиделся за свои бубенцы, за такое фамильярное к ним отношение. Он и не собирался приставать к незнакомой женщине – это, во-первых, а во-вторых, в интонации Маргариты было столько силы, что он уверился – оторвёт. И это изумило. Её слова, и его немедленная безоговорочная вера.

Подумал, что в этот раз Марго боится. Поэтому и опоздала: "До последнего момента сомневалась, ехать или нет. Главный инженер тут не при чём..."

Ночь распустилась во всю свою апрельскую мощь. Весна в этом году случилась ранняя, шепутная и, будто пытаясь оправдать своё преждевременное появление, она старалась изо-всех сил. Пригревала солнышком, веселила ветерком, баловала ливнями. В кустах щелкал молодой соловей, ещё притесняемый ночными холодами, но уже уверенный, что впереди – счастье.

Евсей укрылся с головой одеялом и засыпал. От водки мысли медленно плыли в голове, и качались, как кораблики. Было приятно. "В конце концов, можно будет откупиться, – думал он. – Лекции читает Березин... этот... возьмёт". И уже совсем почти заснув, Гершон подумал, что, быть может, Маргарита "с принципами", и это помеха. "Принципы вообще-то мешают жить..."

Неделя прошла в привычных заботах. Каждый день звонили с комбината; Николай Львович (главный инженер и непосредственный начальник) злился, повышал голос, Маргариту это не расстраивало: "На то и щука в реке, чтобы карась не дремал. Начальник обязан нервничать, за это ему деньги платят". Она посещала лекции и более всего расстраивалась по поводу механики.

Предмет читал Березин – молодой доцент с большой круглой белёсой головой, редкими волосиками (которые он часто поправлял) и едва приметной (но хронической) настроженностью во взгляде.

Березин имел принципы, и эти принципы (верно подметил Гершон) портили жизнь. Портили жизнь студентам.

Березин брал. Брал охотно и не огорчался, что таковое практикует. "Коли дают, отчего не брать?" – удивлялся он, когда в деканате вспыхивал разговор на запретную тему и коллеги осуждающе кивали головами. "Звягинцев тоже берёт, хоть и профессор. Берёт поболее моего, однако гляди – кивает вместе со всеми".

Брал Березин он только за "пятёрки" и "четвёрки". Исправить "неуд" на "уд" он не соглашался. Это и был его принцип. Кроме прочего, доцент считал себя карьеристом. Торгуя приличными оценками он повышал средний балл (на благо университета), а, не пропуская двоечников, "отсеивал бестолочей", тем самым ускоряя своё движение по карьерной лестнице.

В субботу вечером Гершон явился в общежитие позже обычного, был весел и слегка подшофе, от него пахло духами и весной. Чем-то горьким и одновременно сладким. Сказал, что славяне называли это время года костромой: "Разве это не чудесно?" и ещё объявил, что всё устроил.

– Что устроил? – переспросила Марго. Она не любила пьяных мужчин.

– Всё!

Гершон заглянул в чайник, отправился в бытовку налить воды, Маргарита подумала, что с большим удовольствием засветила бы ему между глаз: "Действительно, плешивый чёрт!"

– Узнал, кто новый заведующий кафедрой. – Сыпнул в кружку чаю, передал пачку Марго. – У тебя есть шанс.

Кафедрой теоритической и прикладной механики ныне заведовал Константин Антонович Капель: без пяти минут профессор, "учёный, подающий надежды" – так принято говорить в научных кругах.

– Мужчина без малого сорока лет, – из кармана Гершон вынул помятую плитку шоколада. – Во многих смыслах интересный культурный человек. Не женат, – в верх взлетел указательный палец, – детей не имеет, зато имеет страсть к музыке и орхидеям.

– Терпеть не могу.

– Хм... – Гершон растерялся. – Кого?

– Орхидеи.

Евсей Аронович оглянулся, будто за ним кто-то стоял и спросил, когда он призывал любить орхидеи?

– Хрен с ними, с орхидеями. Я говорил о Капеле. Он мужчина, понимаешь? Вспомни, что ты женщина! – Воскликнул: – Расправь перья, включи чары, принцесса Кострома! Вскружи ему голову и экзамен у тебя в кармане!

Гершон прокрутился на одной ноге, изображая какое-то танцевальное па, пошатнулся, едва не свалился на кровать, но подскочил и, покрасневшись, подал Маргарите руку.

– Ведь ты молода и красива! Соверши безумство, Марго! Наплюй на приличия!

Он выглядел комично. По-доброму комично, будто Костик из "Покровских ворот" остался повесой и в зрелых своих годах... что, впрочем, весьма возможно.

Она улыбнулась:

– Не морочь мне голову, Евсей. – Гершон скорчил мину. – Лекции читает Березин. Он будет принимать экзамен.

– Чепуха! – Гершон замахал лапками, как муха. – Заведующий кафедрой главнее. Он может поставить любой экзамен.

– Разве?

– Не сомневайся. Уж я-то знаю! – и он похлопал себя по нагрудному карману, в котором имел обыкновение носить зачётную книжку. Всегда. "Ибо пути господни неисповедимы, – говорил он, – и "шара", как любовь, может нагрнуть не гадано".

Весна бурлила. Весна текла по жилам, покрывала щёки девушек румянцем, заставляла глаза блестеть, втягивала животы мужчинам и расправляла аршинные плечи. Только этой животворящей силой можно было объяснить, что Маргарита Ружинская задумалась над словами Гершона. Эта спокойная рассудительная девушка (или уже женщина?) задумалась: "Быть может он немного прав?"

Она разглядывала в зеркале своё отражение и думала, что этот шанс... последний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.